

Иван Сергеевич Тургенев

Призраки

Иван Тургенев

Призраки

«Public Domain»

1864

Тургенев И. С.

Призраки / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1864

Исследователи неоднократно отмечали, что многие главы «Призраков», несмотря на их фантастический колорит, написаны либо по личным впечатлениям Тургенева (описание Лаго-Маджоре, Понтийских болот, острова Уайта, окрестностей Рима), либо являются переработкой семейных преданий (глава о Степане Разине). «Призраки» отличаются точностью пейзажных зарисовок различных мест Европы, сделанных как бы с натуры, но особенная достоверность соблюдена Тургеневым при описании усадьбы героя, воспроизводящем Спасское-Лутовиново (пруд, плотина, усаженная ракитами дорога, березовая рощица). Оценки империи Наполеона III и самодержавного Петербурга также очень близки к суждениям самого Тургенева и зачастую являются почти дословными цитатами из его писем.

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
VII	11
VIII	12
IX	13
X	14
XI	15
XII	16
XIII	17
XIV	18
XV	19
XVI	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Призраки

Фантазия

*Миг один... и нет волшебной сказки —
И душа опять полна возможным...^[1]*

A. Фет.

I

Я долго не мог заснуть и беспрестанно переворачивался с боку на бок. «Чёрт бы побрал эти глупости с вертящимися столами!^[2] — подумал я, — только нервы расстраивать...» Дремота начала наконец одолевать меня...

Вдруг мне почудилось, как будто в комнате слабо и жалобно прозвенела струна.

Я приподнял голову. Луна стояла низко на небе и прямо глянула мне в глаза. Белый как мел лежал ее свет на полу... Явственно повторился странный звук.

Я оперся на локоть. Легкий страх щипнул меня за сердце. Прошла минута, другая... Где-то далеко прокричал петух; еще дальше отозвался другой.

Я опустил голову на подушку. «Вот до чего можно довести себя, — подумал я опять, — в ушах звенеть станет».

Спустя немного я заснул — или мне казалось, что я заснул. Мне привиделся необыкновенный сон. Мне чудилось, что я лежу в моей спальне, на моей постели — и не сплю и даже глаз не могу закрыть. Вот опять раздается звук... Я оборачиваюсь... След луны на полу начинает тихонько приподниматься, выпрямляется, слегка округляется сверху... Передо мной, сквозя как туман, неподвижно стоит белая женщина.

— Кто ты? — спрашиваю я с усилием. Голос отвечает, подобный шелесту листвы:

— Это я... я... я... Я пришла за тобой.

— За мной? Да кто ты?

— Приходи ночью на угол леса, где старый дуб. Я там буду.

Я хочу взглянуться в черты таинственной женщины — и вдруг невольно вздрагиваю: на меня пахнуло холодом. И вот я уже не лежу, а сижу в своей постели — и там, где, казалось, стоял призрак, свет луны белеется длинной чертою по полу.

II

День прошел кое-как. Я, помнится, принимался читать, работать... ничего не клеилось. Настала ночь. Сердце билось во мне, как будто ждало чего-то. Я лег и повернулся лицом к стене.

– Отчего же ты не пришел? – раздался в комнате явственный шёпот.

Я быстро оглянулся.

Опять она... опять таинственный призрак. Неподвижные глаза на неподвижном лице – и взор исполнен печали.

– Приходи! – слышится снова шёпот.

– Приду, – отвечаю я с невольным ужасом. Призрак тихо качнулся вперед, смешался весь, легко волнуясь, как дым, – и луна опять мирно забелела на гладком полу.

III

Я провел день в волнении. За ужином я выпил почти целую бутылку вина, вышел было на крыльцо, но вернулся и бросился в постель. Кровь тяжело колыхалась во мне.

Опять послышался звук... Я вздрогнул, но не оглянулся. Вдруг я почувствовал, что кто-то тесно обнял меня сзади и в самое ухо мне лепечет: «Приди, приди, приди...» Затрепетав от испуга, я простонал:

– Приду! – и выпрямился.

Женщина стояла наклоняясь возле самого моего изголовья. Она слабо улыбнулась и исчезла. Я, однако, успел разглядеть ее лицо. Мне показалось, что я видел ее прежде; но где, когда? Я встал поздно и целый день бродил по полям, подходил к старому дубу на окраине леса и внимательно осматривался кругом.

Перед вечером я сел у раскрытоого окна в своем кабинете. Старуха ключница поставила передо мною чашку чаю – но я не прикасался к ней... Я всё недоумевал и спрашивал себя: «Не с ума ли я сошуж?» Солнце только что закатилось, и не одно небо зарделось – весь воздух внезапно наполнился каким-то почти неестественным багрянцем: листья и травы, словно покрытые свежим лаком, не шевелились; в их окаменелой неподвижности, в резкой яркости их очертаний, в этом сочетании сильного блеска и мертввой тишины было что-то странное, загадочное. Довольно большая серая птица вдруг, безо всякого шума, прилетела и села на самый край окна... Я посмотрел на нее – и она посмотрела на меня сбоку своим круглым темным глазом. «Уж не прислали ли тебя, чтобы напомнить?» – подумал я.

Птица тотчас взмахнула своими мягкими крыльями и улетела по-прежнему без шума. Я долго еще сидел у окна, но я уже не предавался недоумению: я как будто попал в заколдованный круг – и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, как, еще задолго до водопада, стремление потока увлекает лодку. Я встрепенулся наконец. Багрянец воздуха давно исчез, краски потемнели, и прекратилась заколдованная тишина. Ветерок запорхал, луна всё ярче выступала на посиневшем небе, – и скоро листья деревьев заиграли серебром и чернью в ее холодных лучах. Моя старуха вошла в кабинет с зажженной свечкой, но из окна дохнуло на нее – и пламя погасло. Я не мог выдержать более, вскочил, нахлобучил шапку и отправился на угол леса к старому дубу.

IV

В этот дуб, много лет тому назад, ударила молния; верхушка переломилась и засохла, но жизни еще сохранилось в нем на несколько столетий. Когда я стал подходить к нему, на луну набежала тучка: было очень темно под его широкими ветвями. Сперва я не заметил ничего особенного; но глянул в сторону – и сердце во мне так и упало: белая фигура стояла неподвижно возле высокого куста, между дубом и лесом. Волосы слегка зашевелились у меня на голове; но я собрался с духом – и пошел к лесу.

Да, это была она, моя ночная гостья. Когда я приблизился к ней, месяц засиял снова. Она казалась вся как бы соткана из полупрозрачного, молочного тумана – сквозь ее лицо мне виднелась ветка, тихо колеблемая ветром, – только волосы да глаза чуть-чуть чернели, да на одном из пальцев сложенных рук блестало бледным золотом узкое кольцо. Я остановился перед нею и хотел заговорить; но голос замер у меня в груди, хотя собственно страха я уже не ощущал. Ее глаза обратились на меня: взгляд их выражал не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное внимание. Я ждал, не произнесет ли она слова, но она оставалась неподвижной и безмолвной и всё глядела на меня своим мертвенно-пристальным взглядом. Мне опять стало жутко.

– Я пришел! – воскликнул я наконец с усилием.

Глухо и чудно раздался мой голос.

– Я тебя люблю, – послышался шёпот.

– Ты меня любишь! – повторил я с изумлением.

– Отдайся мне, – снова прошепестило мне в ответ.

– Отдаться тебе! Но ты призрак – у тебя и тела нет. – Странное одушевление овладело мною. – Что ты такое, дым, воздух, пар? Отдаться тебе! Отвечай мне сперва, кто ты? Жила ли ты на земле? Откуда ты явилась?

– Отдайся мне. Я тебе зла не сделаю. Скажи только два слова: возьми меня.

Я посмотрел на нее. «Что это она говорит? – подумал я. – Что это всё значит? И как же она возьмет меня? Или попытаться?»

– Ну, хорошо, – произнес я вслух и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнул. – Возьми меня!

Не успел я произнести эти слова, как таинственная фигура с каким-то внутренним смехом, от которого на миг задрожало ее лицо, покачнулась вперед, руки ее отделились и протянулись... Я хотел было отскочить; но я уже был в ее власти. Она обхватила меня, тело мое поднялось на пол-аршина от земли – и мы оба понеслись плавно и не слишком быстро над неподвижной мокрой травой.

V

Сперва у меня голова закружилась – и я невольно закрыл глаза... Минуту спустя я открыл их снова. Мы неслись по-прежнему. Но уже леса не было видно; под нами расстилалась равнина, усеянная темными пятнами. Я с ужасом убедился, что мы поднялись на страшную высоту.

«Я пропал, я во власти сатаны», – сверкнуло во мне, как молния. До того мгновенья мысль о наважденье нечистой силы, о возможности погибели мне в голову не приходила. Мы всё мчались и, казалось, забирали всё выше и выше.

– Куда ты несешь меня? – простонал я наконец.

– Куда хочешь, – отвечала моя спутница. Она вся прильнула ко мне; лицо ее почти прислонилось к моему лицу. Впрочем, я едва ощущал ее прикосновение.

– Опусти меня на землю; мне дурно на этой высоте.

– Хорошо; только закрой глаза и не дыши.

Я послушался – и тотчас же почувствовал, что падаю, как брошенный камень... воздух засвистал в моих волосах. Когда я опомнился, мы опять плавно неслись над самой землей, так что цеплялись за верхушки высоких трав.

– Поставь меня на ноги, – начал я. – Что за удовольствие летать? Я не птица.

– Я думала, что тебе приятно будет. У нас другого занятия нет.

– У вас? Да кто вы такие?

Ответа не было.

– Ты не смеешь мне это сказать?

Жалобный звук, подобный тому, который разбудил меня в первую ночь, задрожал в моих ушах. Между тем мы продолжали чуть заметно двигаться по влажному ночному воздуху.

– Пусти же меня! – промолвил я. Спутница моя тихо отклонилась – и я очутился на ногах. Она остановилась передо мной и снова сложила руки. Я успокоился и посмотрел ей в лицо: по-прежнему оно выражало покорную грусть.

– Где мы? – спросил я. Я не узнавал окрестных мест.

– Далеко от твоего дома, но ты можешь быть там в одно мгновенье.

– Каким это образом? опять довериться тебе?

– Я не сделала тебе зла и не сделаю. Полетаем с тобой до зари, вот и всё. Я могу тебя отнести, куда только ты вздумаешь – во все края земли. Отдайся мне! Скажи опять: возьми меня!

– Ну... возьми меня!

Она опять припала ко мне, ноги мои опять отделились от земли – и мы полетели.

VI

- Куда? – спросила она меня.
- Прямо, всё прямо.
- Но тут лес.
- Поднимись над лесом – только тише.

Мы взмыли кверху, как вальдшнеп, налетевший на березу, и опять понеслись в прямом направлении. Вместо травы вершины деревьев мелькали у нас под ногами. Чудно было видеть лес сверху, его щетинистую спину, освещенную луной. Он казался каким-то огромным, заснувшим зверем и сопровождал нас широким непрестанным шорохом, похожим на невнятное ворчанье. Кое-где попадалась небольшая поляна; красиво чернела с одной ее стороны зубчатая полоса тени... Заяц изредка жалобно кричал внизу; вверху сова свистала, тоже жалобно; в воздухе пахло грибами, почками, зорей-травою; лунный свет так и разливался во все стороны – холодно и строго; «стожары» блистали над самой головой.^[3] Вот и лес остался назади; в поле протянулась полоса тумана: это река текла. Мы понеслись вдоль одного из ее берегов над кустами, отяжелевшими и неподвижными от сырости. Волны на реке то лоснились синим лоском, то катились темные и словно злые. Местами странно двигался над ними тонкий пар – и чашки водяных лилий девственno и пышно белели всеми своими распустившимися лепестками, точно знали, что до них добраться невозможно. Мне вздумалось сорвать одну из них – и вот я уже очутился над самой гладью реки... Сырость неприязненно ударила мне в лицо, как только я перервал тугой стебель крупного цветка. Мы начали перелетывать с берега на берег, как кулички-песочники, которых мы то и дело будили и за которыми гнались. Нам не раз случалось налетать на семейку диких уток, расположенных кружком на чистом местечке между тростниками, но они не шевелились; разве одна из них торопливо вынет шею из-под крыла, посмотрит, посмотрит и хлопотливо засунет опять нос в пушистые перья, а другая слабо крякнет, причем всё ее тело немножко дрогнет. Мы вспугнули одну цаплю: она поднялась из ракитового куста, болтая ногами и с неуклюжим усилием махая крыльями; тут она мне показалась действительно похожей на немца. Рыба нигде не плескалась – спала тоже. Я начинал привыкать к ощущению полета и даже находил в нем приятность: меня поймет всякий, кому случалось летать во сне.^[4] Я принял с большим вниманием рассматривать странное существо, по милости которого со мной совершились такие неправдоподобные события.

VII

Это была женщина с маленьким нерусским лицом. Иссера-беловатое, полупрозрачное, с едва означенными тенями, оно напоминало фигуры на алебастровой, изнутри освещенной вазе – и опять показалось мне знакомым.

– Можно с тобой говорить? – спросил я.

– Говори.

– Я вижу у тебя кольцо на пальце; ты, стало быть, жила на земле – ты была замужем?

Я остановился... Ответа не было.

– Как тебя зовут – или звали по крайней мере?

– Зови меня Эллис.

– Эллис! Это английское имя! Ты англичанка? Ты знала меня прежде?

– Нет.

– Отчего же ты именно ко мне явилася?

– Я тебя люблю.

– И ты довольна?

– Да; мы носимся, мы кружимся с тобою по чистому воздуху.

– Эллис! – сказал я вдруг, – ты, может быть, преступная, осужденная душа?

Голова моей спутницы наклонилась.

– Я тебя не понимаю, – шепнула она.

– Заклинаю тебя именем бога... – начал было я.

– Что ты говоришь? – промолвила она с недоумением. – Я не понимаю. – Мне показалось, что рука, лежавшая холодноватым поясом вокруг моего стана, тихо шевельнулась...

– Не бойся, – промолвила Эллис, – не бойся, мой милый! – Ее лицо обернулось и при-
двинулось к моему лицу... Я почувствовал на губах моих какое-то странное ощущение, как бы
прикосновение тонкого и мягкого жала... Незlyе пиявки так берутся.

VIII

Я взглянул вниз. Мы уже опять успели подняться на довольно значительную вышину. Мы пролетали над неизвестным мне уездным городом, расположенным на скате широкого холма. Церкви высались среди темной массы деревянных крыш, фруктовых садов; длинный мост чернел на изгибе реки; всё молчало, отягченное сном. Самые куполы и кресты, казалось, блестели безмолвным блеском; безмолвно торчали высокие шесты колодцев возле круглых шапок ракит; белесоватое шоссе узкой стрелой безмолвно впивалось в один конец города и безмолвно выбегало из противоположного конца на сумрачный простор однообразных полей.

- Что это за город? – спросил я.
- ...сов.
- ...сов в ...ой губернии?
- Да.
- Далеко же я от дому!
- Для нас отдаленности нет.
- В самом деле? – Внезапная удаль вспыхнула во мне. – Так неси же меня в Южную Америку!
- В Америку не могу. Там теперь день.
- А мы с тобой ночные птицы. Ну, куда-нибудь, куда можно, только подальше.
- Закрой глаза и не дыши, – отвечала Эллис, – и мы помчались с быстротою вихря. С потрясающим шумом врывался воздух в мои уши.
- Мы остановились, но шум не прекращался. Напротив: он превратился в какой-то грозный рев, в громовой гул...
- Теперь можешь открыть глаза, – сказала Эллис.

IX

Я повиновался... Боже мой, где я?

Над головой тяжелые дымные тучи; они теснятся, они бегут, как стадо злобных чудовищ... а там, внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Белая пена судорожно сверкает и кипит на нем буграми – и, вздымая косматые волны, с грубым грохотом бьет оно в громадный, как смоль черный, утес. Завывание бури, леденящее дыхание расколы-хавшейся бездны, тяжкий плеск прибоя, в котором по временам чудится что-то похожее на вопли, на далекие пушечные выстрелы, на колокольный звон, раздирающий визг и скрежет прибрежных голышей, внезапный крик невидимой чайки, на мутном небосклоне шаткий остов корабля – всюду смерть, смерть и ужас... Голова у меня закружилась – и я снова с замиранием закрыл глаза...^[5]

– Что это? где мы?

– На южном берегу острова Уайт,^[6] перед утесом Блакганг, где так часто разбиваются корабли, – промолвила Эллис, на этот раз особенно отчетливо и, как мне показалось, не без злорадства.

– Неси меня прочь, прочь отсюда... домой! домой!

Я сжался весь, стиснул лицо руками... Я чувствовал, что мы понеслись еще быстрее прежнего; ветер уже не выл и не свистал – он визжал в моих волосах, в моем платье... дух захватывало...

– Стань же на ноги, – раздался голос Эллис.

Я силился овладеть собою, своим сознанием... Я ощущал под подошвами землю и не слышал ничего, точно всё замерло кругом... только в виски неровно стучала кровь и с слабым внутренним звоном всё еще кружилась голова. Я выпрямился и открыл глаза.

X

Мы находились на плотине моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракит, виднелась его широкая гладь с кое-где приставшими волокнами пушистого тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; налево вздымались деревья сада, длинные, неподвижные и как будто сырье... Утро уже дохнуло на них. По чистому серому небу тянулись, словно полосы дыма, две-три косые тучки; они казались желтоватыми – первый слабый отблеск зари падал на них бог весть откуда: глаз еще не мог различить на побелевшем небосклоне то место, где она должна была заняться. Звезды исчезали; ничего еще не шевелилось, хотя всё уже просыпалось в очарованной тишине раннего полусвета.

– Утро! вот утро! – воскликнула над самым моим ухом Эллис... – Прощай! До завтра!

Я обернулся... Легко отделяясь от земли, она плыла мимо – и вдруг подняла обе руки над головою. Эта голова, и руки, и плечи мгновенно вспыхнули телесным, теплым цветом; в темных глазах дрогнули живые искры; усмешка тайной неги шевельнула покрасневшие губы... Прелестная женщина внезапно возникла передо мною... Но, как бы падая в обморок, она тотчас опрокинулась назад и растаяла, как пар.

Я остался недвижим.

Когда я опомнился и оглянулся, мне показалось, что телесная, бледно-розовая краска, пробежавшая по фигуре моего призрака, всё еще не исчезла и, разлитая в воздухе, обдавала меня кругом... Это заря загоралась. Я вдруг почувствовал крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьего двора, я услыхал первое утреннее лепетанье гусенят (раньше их ни одна птица не просыпается); вдоль крыши на конце каждой притужины сидело по галке – и все они хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочном небе. Изредка они разом все поднимались – и, полетав немного, садились опять рядом, без крика... Из недальнего леса два раза принеслось сипло-свежее чуфыканье черныша-тетерева, только что слетевшего в росистую, ягодами заросшую траву... С легкой дрожью в теле я добрался до постели и скоро заснул крепким сном.

XI

На следующую ночь, когда я стал подходить к старому дубу, Эллис понеслась мне навстречу, как к знакомому. Я не боялся ее по-вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять, что со мной происходило; мне только хотелось полетать подальше по любопытным местам.

Рука Эллис опять обвилась вокруг меня – и мы опять помчались.

– Отправимся в Италию, – шепнул я ей на ухо.

– Куда хочешь, мой милый, – отвечала она торжественно и тихо – и тихо и торжественно повернула ко мне свое лицо. Оно показалось мне не столь прозрачным, как накануне; более женственное и более важное, оно напомнило мне то прекрасное создание, которое мелькнуло передо мной на утренней заре перед разлукой.

– Нынешняя ночь – великая ночь, – продолжала Эллис – Она наступает редко – когда семь раз тринадцать...^[7]

Тут я не дослушал несколько слов.

– Теперь можно видеть, что бывает закрыто в другое время.

– Эллис! – взмолился я, – да кто же ты? скажи мне, наконец!

Она молча подняла свою длинную белую руку. На темном небе, там, куда указывал ее палец, среди мелких звезд красноватой чертой сияла комета.

– Как мне понять тебя? – начал я. – Или ты – как эта комета носится между планетами и солнцем – носишься между людьми... и чем?

Но рука Эллис внезапно надвинулась на мои глаза... Словно белый туман из сырой долины обдал меня...

– В Италию! в Италию! – послышался ее шёпот. – Эта ночь – великая ночь!

XII

Туман перед моими глазами рассеялся, и я увидал под собою бесконечную равнину. Но уже по одному прикосновению теплого и мягкого воздуха к моим щекам я мог понять, что я не в России; да и равнина та не походила на наши русские равнинны. Это было огромное тусклое пространство, по-видимому не поросшее травой и пустое; там и сям, по всему его протяжению, подобно небольшим обломкам зеркала, блисталы стоячие воды; вдали смутно виднелось неслышное, недвижное море. Крупные звезды сияли в промежутках больших красивых облачков; тысячи-чеголосная, немолчна и все-таки негромкая трель поднималась отовсюду – и чуден был этот пронзительный и дремотный гул, этот ночной голос пустыни...

– Понтийские болота,^[8] – промолвила Эллис – Слышишь лягушек? Чувствуешь запах серы?

– Понтийские болота… – повторил я, и ощущение величавой унылости охватило меня. – Но зачем принесла ты меня сюда, в этот печальный, заброшенный край? Полетим лучше к Риму.

– Рим близок, – отвечала Эллис… – Приготовься!

Мы спустились и помчались вдоль старинной латинской дороги.^[9] Буйвол медленно поднял из вязкой тины свою косматую чудовищную голову с короткими вихрами щетины между криво назад загнутыми рогами. Он косо повел белками бессмысленно-злобных глаз и тяжело фыркнул мокрыми ноздрями, словно почувял нас.

– Рим, Рим близок… – шептала Эллис – Гляди, гляди вперед…

Я поднял глаза.

Что это чернеет на окраине ночного неба? Высокие ли арки громадного моста? Над какой рекой он перекинут? Зачем он порван местами? Нет, это не мост, это древний водопровод. Кругом священная земля Кампании, а там, вдали, Албанские горы – и вершины их и седая спина старого водопровода слабо блестят в лучах только что взошедшей луны…

Мы внезапно взвились и повисли на воздухе перед уединенной развалиной. Никто бы не мог сказать, чем она была прежде: гробницей, чертогом, башней… Черный плющ обливал ее всю своей мертвенною силой – а внизу раскрывался, как зев, полуобрушенный свод. Тяжелым запахом погреба веяло мне в лицо от этой груды мелких, тесно сплоченных камней, с которых давно свалилась гранитная оболочка стены.

– Здесь, – произнесла Эллис и подняла руку. – Здесь! Проговори громко, три раза сряду, имя великого римлянина.

– Что же будет?

– Ты увидишь.

Я задумался.

– *Divus Caius Julius Caesar!*¹..^[1] – воскликнул я вдруг, – *divus Caius Julius Caesar!* – повторил я протяжно. – *Caesar!*^[10]

---

¹ Божественный Кай Юлий Цезарь!.. (*лат.*).

XIII

Последние отзвучия моего голоса не успели еще замереть, как мне послышалось...

Мне трудно сказать, что именно. Сперва мне послышался смутный, ухом едва уловимый, но бесконечно повторявшийся взрыв трубных звуков и рукоплесканий. Казалось, где-то, страшно далеко, в какой-то бездонной глубине, внезапно зашевелилась несметная толпа – и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, как бы сквозь сон, сквозь подавляющий, многовековый сон. Потом воздух заструился и потемнел над развалиной... Мне начали мерещиться тени, мириады теней, миллионы очертаний, то округленных, как шлемы, то протянутых, как копья; лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этих копьях и шлемах – и вся эта армия, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно... Несказанное напряжение, напряжение, достаточное для того, чтобы приподнять целый мир, чувствовалось в ней; но ни один образ не выдавался ясно... И вдруг мне почудилось, как будто трепет пробежал кругом, как будто отхлынули и расступились какие-то громадные волны... «*Caesar, Caesar venit!*»², – зашумели голоса, подобно листвам леса, на который внезапно налетела буря... Прокатился глухой удар – и голова бледная, строгая, в лавровом венке, с опущенными веками, голова императора стала медленно выдвигаться из-за развалины...

На языке человеческом нету слов для выражения ужаса, который сжал мое сердце. Мне казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы – и я тотчас же умру.

– Эллис! – простонал я, – я не хочу, я не могу, не надо мне Рима, грубого, грозного Рима... Прочь, прочь отсюда!^[11]

– Малодушный! – шепнула она, – и мы умчались. Я успел еще услыхать за собою железный, громовый на этот раз, крик легионов... Потом всё потемнело.

---

² «Цезарь, Цезарь идет!» (лат.).

XIV

– Оглянись, – сказала мне Эллис, – и успокойся.

Я послушался – и, помню, первое мое впечатление было до того сладостно, что я мог только вздохнуть. Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкий не то свет, не то туман – обливал меня со всех сторон. Сперва я не различал ничего: меня слепил этот лазоревый блеск – но вот понемногу начали выступать очертания прекрасных гор, лесов; озеро раскинулось подо мною с дрожавшими в глубине звездами, с ласковым ропотом прибоя. Запах померанцев обдал меня волной – и вместе с ним и тоже как будто волною принеслись сильные, чистые звуки молодого женского голоса. Этот запах, эти звуки так и потянули меня вниз – и я начал спускаться… спускаться к роскошному мраморному дворцу, приветно белевшему среди кипарисной рощи. Звуки лились из его настежь раскрытых окон; волны озера, усеянного пылью цветов, плескались в его стены – и прямо напротив, весь одетый темной зеленью померанцев и лавров, весь облитый лучезарным паром, весь усеянный статуями, стройными колоннами, портиками храмов, поднимался из лона вод высокий круглый остров…

– Isola Bella! – проговорила Эллис. – Lago Maggiore…^[12]

Я промолвил только: а! и продолжал спускаться. Женский голос всё громче, всё ярче раздавался во дворце; меня влекло к нему неотразимо… я хотел взглянуть в лицо певице, оглашавшей такими звуками такую ночь. Мы остановились перед окном.

Посреди комнаты, убранной в помпейяновском вкусе^[13] и более похожей на древнюю храмину, чем на новейшую залу, окруженная греческими изваяниями, этрусскими вазами,^[14] редкими растениями, дорогими тканями, освещенная сверху мягкими лучами двух ламп, заключенных в хрустальные шары, – сидела за фортепьянами молодая женщина. Слегка закинув голову и до половины закрыв глаза, она пела итальянскую арию; она пела и улыбалась, и в то же время черты ее выражали важность, даже строгость… признак полного наслаждения! Она улыбалась… и Праксителев Фавн,^[15] ленивый, молодой, как она, изнеженный, сладострастный, тоже, казалось, улыбался ей из угла, из-за ветвей олеандра, сквозь тонкий дым, поднимавшийся с бронзовой курильницы на древнем треножнике. Красавица была одна. Очарованный звуками, красотою, блеском и благовонием ночи, потрясенный до глубины сердца зреющим этого молодого, спокойного, светлого счастья, я позабыл совершенно о моей спутнице, забыл о том, каким странным образом я стал свидетелем этой столь отдаленной, столь чуждой мне жизни, – и я хотел уже ступить на окно, хотел заговорить…

Всё мое тело вздрогнуло от сильного толчка – точно я коснулся лейденской банки.^[16] Я оглянулся… Лицо Эллис было – при всей своей прозрачности – мрачно и грозно; в ее внезапно раскрывшихся глазах тускло горела злоба…

– Прочь! – бешено шепнула она, и снова вихрь, и мрак, и головокружение… Только на этот раз не крик легионов, а голос певицы, оборванный на высокой ноте, остался у меня в ушах…

Мы остановились. Высокая нота, та же нота, всё звенела и не переставала звенеть, хотя я чувствовал совсем другой воздух, другой запах… На меня веяло крепительной свежестью, как от большой реки, – и пахло сеном, дымом, коноплей. За долго протянутой нотой последовала другая, потом третья, но с таким несомненным оттенком, с таким знакомым, родным переливом, что я тотчас же сказал себе: «Это русский человек поет русскую песню» – и в то же мгновенье мне всё кругом стало ясно.

XV

Мы находились над плоским берегом. Налево тянулись, терялись в бесконечность склоненные луга, уставленные громадными скирдами; направо в такую же бесконечность уходила ровная гладь великой многоводной реки. Недалеко от берега большие темные барки тихонько переваливались на якорях, слегка двигая остриями своих мачт, как указательными перстами. С одной из этих барок долетали до меня звуки разливистого голоса, и на ней же горел огонек, дрожа и покачиваясь в воде своим длинным, красным отраженьем. Кое-где, и на реке и в полях, непонятно для глаза – близко ли, далеко ли – мигали другие огоньки; они то жмурились, то вдруг выдвигались лучистыми крупными точками; бесчисленные кузнечики немолчно стрекотали, не хуже лягушек pontийских болот, и под безоблачным, но низко нависшим темным небом изредка кричали неведомые птицы.

– Мы в России? – спросил я Эллис.

– Это Волга, – отвечала она. Мы понеслись вдоль берега.

– Отчего ты меня вырвала оттуда, из того прекрасного края? – начал я. – Завидно тебе стало, что ли? Уж не ревность ли в тебе пробудилась?

Губы Эллис чуть-чуть дрогнули, и в глазах опять мелькнула угроза… Но всё лицо тотчас же вновь оцепенело.

– Я хочу домой, – проговорил я.

– Погоди, погоди, – отвечала Эллис. – Текущая ночь – великкая ночь. Она не скоро вернется. Ты можешь быть свидетелем… Погоди.

И мы вдруг полетели через Волгу, в косвенном направлении, над самой водой, низко и порывисто, как ласточки перед бурей. Широкие волны тяжко журчали под нами, резкий речной ветер бил нас своим холодным, сильным крылом… Высокий правый берег скоро начал вздыматься перед нами в полумраке. Показались крутые горы с большими расселинами. Мы приблизились к ним.

– Крикни: «Сарынь на кичку!»^[17] – шепнула мне Эллис. Я вспомнил ужас, испытанный мною при появлении римских призраков, я чувствовал усталость и какую-то странную тоску, словно сердце во мне таяло, – я не хотел произнести роковые слова, я знал заранее, что в ответ на них появится, как в Волчьей Долине Фрейшица,^[18] что-то чудовищное, – но губы мои раскрылись против воли, и я закричал, тоже против воли, слабым напряженным голосом: «Сарынь на кичку!»

XVI

Сперва всё осталось безмолвным, как и перед римской развалиной, но вдруг возле самого моего уха раздался грубый бурлацкий смех – и что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться...^[19] Я оглянулся: никого нигде не было видно, но с берега отпрянуло эхо – и разом и отовсюду поднялся оглушительный гам. Чего только не было в этом хаосе звуков: крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, удары весел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, скрып снастей и колес, и лошадиное скакание, звон набата и лязг цепей, гул и рев пожара, пьяные песни и скрежещущая скороговорка, неутешный плач, моление жалобное, отчаянное, и повелительные восклицанья, предсмертное хрипенье, и удалой посвист, гарканье и топот пляски... «Бей! вешай! топи! режь! любо! любо! так! не жалей!» – слышалось явственно, слышалось даже прерывистое дыхание запыхавшихся людей, – а между тем кругом, насколько глаз доставал, ничего не показывалось, ничего не изменялось: река катилась мимо, таинственно, почти угрюмо; самый берег казался пустынней и одичалей – и только.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Миг один... и нет волшебной сказки – И душа полна возможным... – Последние стихи седьмой строфы стихотворения А. А. Фета «Фантазия» (1847 г.). В тексте Фета: «Миг еще...». 1 (13) октября 1863 г. Тургенев писал Фету: «...я, несмотря на свое бездействие, угобзился, однако, сочинить и отправить Анненкову вещь, которая, вероятно, Вам понравится – ибо не имеет никакого человеческого смысла – даже эпиграф взят у Вас». Проводя здесь некоторую шутливую параллель между стихотворением Фета «Фантазия» и своей «фантазией» в прозе, Тургенев имел в виду то обстоятельство, что в 1856 г., когда готовился сборник стихов поэта, было много толков по поводу «темного» смысла именно этого стихотворения (см.: Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. I, с. 105).

2.

...глупости с вертящимися столами! – Сатирическую зарисовку спиритического сеанса Тургенев дал в главе XV «Дыма» (см. с. 336–337). Об ироническом отношении Тургенева к спиритизму свидетельствует и его письмо из Парижа от 9 (21) марта 1857 г. П. В. Анненкову.

3.

... «стожары» блистали над самой головой. – Стожары – народное название некоторых созвездий. В данном случае речь идет о Плеядах.

4.

...всякий, кому случалось летать во сне. – 1 (13) августа 1849 г. Тургенев писал Полине Виардо из Куртавнеля: «Мне этой ночью приснился весьма странный сон, как это иногда со мною бывает; я вам его сейчас расскажу. Мне казалось, что я иду вдоль дороги, обсаженной тополями <...> Вдруг я вижу, что на меня идет какая-то высокая белая фигура и делает мне знак следовать за нею <...> Несколько мгновений спустя мне кажется, что мы стоим на сильном ветру; я оглядываюсь кругом и, несмотря на темноту, могу различить, что мы находимся на вершине чрезвычайно высокого утеса, поднимающегося над морем. – Да куда же мы идем? – спрашиваю я у своего путеводителя. – Мы птицы, – отвечает он, – летим <...> Но в это самое мгновение меня подхватывает ветер. Не могу вам передать тот трепет счастья, который я почувствовал, развертывая свои широкие крылья; я поднялся против ветра, испустив громкий победоносный крик, а затем ринулся вниз к морю, порывисто рассекая воздух, как это делают чайки. В эту минуту я был птицей, уверяю вас...»

5.

С потрясающим шумом ~ закрыл глаза... – Эти строки близки к описанию бушующего моря в письме Тургенева к Полине Виардо от 1 (13) августа 1849 г.

6.

На южном берегу острова Уайт... – Остров в проливе Ла-Манш у южного берега Великобритании. Тургенев жил на о. Уайт в августе 1860 г.

7.

...семь раз тринадцать... – Имеется в виду суеверное представление о магическом значении чисел 7 и 13.

8.

Понтийские болота – обширная заболоченная местность на северо-запад от древнего города Террацина.

9.

...вдоль старинной латинской дороги... – Имеется в виду знаменитая Аппиева дорога, проложенная в 312 году до н. э. от Рима до Капуи.

10.

Мы внезапно взвились ~ повторил я протяжно: – Caesar! – В этой сцене отразился один из эпизодов пребывания Тургенева в Италии в 1840 г., о котором он рассказал в воспоминаниях о Н. В. Станкевиче (см. наст. изд., т. 5, с. 363). Кай Юлий Цезарь (102 или 100–44 г. до н. э.), древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Разгромив войска политических противников, Цезарь за год до смерти сосредоточил в своих руках всю полноту власти, сохранив, однако, римские республиканские формы правления.

11.

И вдруг мне почудилось ~ Прочь, прочь отсюда. – Тургенев еще раз коснулся личности Цезаря в речи о Шекспире (1864 г.), сказав, что победы Шекспира «прочней побед Наполеонов и Цезарей».

12.

Isola Bella! – проговорила Эллис. – Lago Maggiore... – Речь идет об острове Изола Белла на озере Лаго-Маджоре на юном склоне Альп. Тургенев посетил это место в 1840 г. (см.: Грэвс И. М. Тургенев и Италия. Л., 1925, с. 66–72).

13.

...в помпейяновском вкусе... – Имеется в виду художественный стиль богатых зданий города Помпеи (лат. Pompei), засыпанного при извержении Везувия в 79 году н. э.

14.

...этрусскими вазами... – Глиняные вазы с росписью или рельефами, относящиеся к культуре, созданной племенем этрусков на территории древней Италии (VII–II вв. до н. э.).

15.

Праксителев Фавн – статуя, изваянная греческим скульптором Праксителем (IV в. до н. э.). Известна по римским копиям.

16.

...лейденской банки. – Электрический конденсатор в виде стеклянного сосуда. Одним из изобретателей его был профессор Лейденского университета Мушенбрук (Musschenbroek) Питер, ван (1692–1761).

17.

«Сарынь на кичку!» – повелительный возглас старинных волжских разбойников при нападении на судно, приказ его команде собраться на носу («сарынь» – сброд, «кичка» – нос корабля).

18.

...в Волчьей Долине Фрейшуца... – Речь идет о месте действия второй картины второго акта оперы Вебера (Weber, Карл-Мария, 1786–1826) «Волшебный стрелок».

19.

Сперва все осталось безмолвным ~ что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться... – Возможно, что этот эпизод навеян расправой казаков Разина в 1670 г. в Царицыне с воеводой Тимофеем Васильевичем Тургеневым. Он был утоплен ими в Волге (см.: Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. Изд. 2-е. СПб., 1859, с. 110–112, а также: Гутьяр, с. 7–8).